

Воздух в клубе пах старой пленкой вперемешку с сухим осенним ветром.

Срок подачи заявок на школьный фотоконкурс неумолимо приближался, и члены клуба давно разошлись. В комнате остались лишь Сяо Минь и Лунь — они всё еще разбирали фотографии за длинным столом.

Свет, падавший сквозь косые жалюзи, ложился на проявленные снимки: тут были размытые пробные кадры, там — засмытые бракованные ленты, и полосы света походили на не успевшие сфокусироваться штрихи.

Сяо Минь молча сортировала карточки, намеренно замедляя движения.

В голове вновь и вновь всплывал тот закатный час: конец коридора, медленно закрывающаяся дверь женского туалета, Лунь, выходящий оттуда, и то, как он вытирал руки — с жутковатой, неестественной непринужденностью. Табличка с синими буквами на белом фоне резала глаза в искусственном свете. Она отчетливо помнила это расстояние — около десяти метров, вполне достаточно, чтобы разглядеть, как он стряхивает капли воды, как провод наушников покачивается у него на шее, а сам он не спеша поворачивает за угол и уходит.

Это обычное движение почему-то заставило ее содрогнуться. Она украдкой покосилась на Луня: тот был полностью поглощен обрезкой снимков, и ножницы издавали мерное щёлканье. Выражение лица Луня оставалось невозмутимым, словно никакого вечера в коридоре никогда и не было.

— Этот снимок можно оставить, — он подвинул к ней ее карточку в профиль: осенние листья наполовину облетели, и световые блики рассыпались по прядям волос.

— Композиция неплохая, и воздуха достаточно, — Сяо Минь взяла фотографию, ее пальцы слегка дрожали.

Это теплое прикосновение заставило ее вспомнить, как он поправлял ее позу, неизменно легко касаясь плеч или рук — теперь это казалось ей какой-то скрытой проверкой.

Она торопливо отвела взгляд, в мыслях царил полный кавардак: а вдруг его сосредоточенный взгляд во время съемки на самом деле означал, что он снимает что-то неподобающее? В клубе он всегда казался таким надежным, но теперь от этого пристального внимания ей стало казаться, что за ней подглядывают, и в желудке заворочалось от тошноты.

— Ты в порядке? — Лунь поднял голову и встретился с ней взглядом. Его глаза были пугающе спокойны.

— Всё в порядке, просто немного холодно, — через силу улыбнулась она и отвернулась, а в голове уже промелькнула мысль еще хуже: а вдруг он любит подглядывать? Каждый раз, когда

они смотрелись друг другу в глаза, ей казалось, будто он пытается пронзить взглядом одежду и заглянуть в самые сокровенные уголки чужой личной жизни.

На следующий день во время практики она специально держалась на расстоянии. Лунь нажал на затвор:

— Расслабься.

Она стояла в лучах света, а в воображении уже возникало, что он вытворяет с этими фотографиями в темной комнате — неужели увеличивает интимные места, чтобы разглядеть детали?

Все те подсказки и прикосновения теперь казались ей какими-то непристойными ласками, от которых по коже бежали мурашки, а улыбка застывала на лице.

Вернувшись вечером в общежитие, она снова и снова прокручивала эту картину перед глазами, словно царапины на фотопленке. Лежа в постели, она вспоминала его невозмутимый выход из женского туалета, примешивала к этому фантазии о тайной съемке, и детали становились всё более мерзкими. Нормальный человек так себя не ведет!

Она перевернулась на другой бок, пытаясь придавить накатывающий страх, но уснуть так и не смогла.

На третий день они снова остались в клубе вдвоем.

Конкурсные фотографии еще не утвердили, и Лунь предложил продолжить разбор. Сяо Минь сидела у края стола, а в голове крутились лишь отвратительные домыслы.

Представляя, как он в одиночестве перебирает снимки, а его пальцы скользят по изображениям, она чувствовала, как от каждого нового образа волосы встают дыбом.

Столько раз они снимали вместе, и все эти прикосновения, взгляды, переглядывания теперь казались ей ловушкой.

Она уставилась на спину Луня, и сердце забилось в сбивчивом ритме.

— Алло, да. Сейчас буду, — Лунь ответил на звонок, зажав телефон между плечом и ухом. — Через десять минут вернусь. Посторожи мою сумку.

Он кивнул на стоящую у ног парусиновую сумку со потертыми, выцветшими серыми углами и поднялся.

Дверь тихонько скрипнула, и в комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь гудением ламп.

Сяо Минь уставилась на сумку, словно на мину замедленного действия. Встав за водой, она случайно задела ее ногой.

Сумка приоткрылась, и из нее посыпались вещи: выкатился стакан для ручек, выпала катушка пленки, а еще — розовая упаковка, ярко и неестественно выделявшаяся под светом ламп.

Гигиеническая прокладка. Маленькая, на каждый день, с нежным цветочным узором. Время словно замерло. Она присела на корточки, ее рука зависла в воздухе. Эта вещь лежала неподвижно, как выжигающее сетчатку темное пятно.

В голове всё смешалось: дверь женского туалета, вытирание рук, эта прокладка. Откуда она у него? Украл? Коллекционирует? Для кого она? Желудок скрутило спазмом, и те прежние невинные подсказки теперь казались зловещими.

Это всё объясняет — женский туалет, прокладка, его тайные снимки и прикосновения. Он определенно болен!

Она торопливо запихнула всё обратно, и от дрожавших пальцев на пол упала ручка. Подбирая ее, она случайно задела кончиками пальцев упаковку — мягкую и ледяную, словно коснулась чего-то нечистого.

Сердце застучало с частотой сорвавшегося с цепи затвора, ударяясь о стенки грудной клетки.

Хлопнула дверь. Лунь вернулся.

Сяо Минь резко вскочила, делая вид, что разбирает фотографии, а лицо ее пылало.

— Ты уронил вещь, я подобрала, — ее голос звучал на удивление ровно.

Лунь кивнул и взял сумку.

— Спасибо.

Он сел и продолжил резать бумагу, и это его спокойствие внушало еще больший ужас — он понятия не имел, что она всё раскрыла.

Оставшееся время она хранила молчание. Перебирая пальцами снимки, она думала лишь об одном и том же с нарастающим отвращением.

Лунь спросил:

— Как эта?

Она выдавила невнятный ответ, отводя глаза.

Конкурсные кадры были отобраны — пять повседневных зарисовок, и все принадлежали его авторству.

Глядя на собственные изображения, она испытывала самые противоречивые чувства. Когда-то ей казалось, что ее понимают, а теперь это выглядело ловушкой.

— На сегодня закончим, — Лунь собрался и встал.

Сяо Минь вышла на улицу, где ночная темнота вытягивала тени. Ей хотелось сбежать, но бежать было некуда.

Вернувшись в общежитие и заперев дверь, она разложила фотографии Луня.

Дождь, смех, будни — всё безупречно указывало на то, что он монстр.

Лежа на кровати и глядя в потолок, она снова и снова прокручивала в голове те же кадры.

Как смотреть ему в глаза завтра? Неужели от этого взгляда веет ядом?

Она резко сел, раскрыла дневник. Долго держала ручку неподвижно, а затем вывела: Некоторым снимкам не нужно проявляться — правда уже выжжена в сердце.

<http://bllate.org/book/21310/2162730>